

В. С. Найпол
Территория
тьмы

Paulsen

МОСКВА 2008

Вступление путешественника: Небольшая работа с документами

Как только спустили наш карантинный флаг и последние босоногие, одетые в синюю форму полицейские из службы здравоохранения Бомбейского порта покинули корабль, на борт поднялся гоанец Коэльо и, зазвав меня длинным малящим пальцем в салон, прошептал: «У вас фыра нет?»

Коэльо прислало ко мне бюро путешествий, чтобы он помог мне пройти через таможню. Он был высокий и худой, жалкий и боязливый, и я решил, что он говорит о какой-то контрабанде. Так оно и было. Коэльо имел в виду сыр. В Индии этот продукт считался деликатесом: из-за рубежа его привозили мало, а свой сыр индийцы так и не научились делать – как не научились и отбеливать газетную бумагу. Но помочь Коэльо я не мог: сыр, который имелся на этом греческом грузовом корабле, был плохой. В течение всего трехнедельного плавания из Александрии я жаловался на его качество бесстрастному главному стюарду, и теперь мне показалось, что, если я вдруг подойду к нему и попрошу разрешения взять немного этого сыра с собой, это будет выглядеть странно.

«Ладно, ладно», – проговорил Коэльо, не веря мне, но не желая попусту тратить время на выслушивание объяснений.

Он вышел из салона и принялся бесшумно шнырять по коридору, изучая имена над дверями.

Я спустился к себе в каюту. Открыл нераспечатанную бутылку виски и отпил глоток. Потом откупорил бутылку «метаксы», отпил и оттуда. Эти две бутылки спиртного я надеялся провезти в Бомбей, где действовал «сухой закон», а к такой предосторожности прибегнул по совету моего друга из индийского Департамента по туризму: полные бутылки непременно конфисковали бы.

С Коэльо мы снова встретились позже, в обеденном зале. Вид у него был уже не такой встревоженный. Он держал ог-

ромную греческую куклу, и ее народный костюм смотрелся чересчур кричащим пятном на фоне его собственных потрепанных штанов и рубашки, а розовые щеки и немигающие глаза куклы казались слишком безмятежными рядом с его длинным и худым лицом, беспокойным и невеселым. Коэльо увидел мои откупоренные бутылки, и тревога вернулась к нему.

– Они открыты. Почему?

– Этого же требует закон, разве нет?

– Спрячьте их.

– «Метакса» слишком высокая, ее не спрячешь.

– Положите набок.

– А вдруг пробка неплотная? Разве не разрешено провезти две бутылки?

– Не знаю, не знаю. Подержите-ка вот эту куклу. Несите ее в руке. Скажете – сувенир. У вас есть визитная карточка туриста? Хорошо. Очень ценный документ. С таким документом вас не станут обыскивать. Почему вы не спрятали бутылки?

Он хлопнул в ладоши, и тут же появился низкорослый и костлявый босоногий человек и принялся выносить наши чемоданы. Он ждал беззвучной невидимкой с того самого мига, как Коэльо взошел на борт. Держа в руках только куклу и сумку с бутылками, мы стали спускаться к катеру. Носильщик Коэльо спрятал чемоданы. Потом опустился на корточки, как будто стараясь втиснуться в самый тесный уголок, как будто извиняясь за собственное присутствие, хотя находился на голой палубе, на корме того самого катера, на котором плыл его хозяин. А хозяин этот, лишь изредка поглядывая на куклу, лежавшую у меня на коленях, смотрел вперед, и выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

Восток начался для меня еще несколько недель назад. Уже в Греции я почувствовал, что Европа куда-то удаляется. Восток присутствовал в еде, в обилии сладостей (из которых многие я знал с детства); в плакатах, рекламировавших индийские кинокартины с участием актрисы Наргиз⁴

– любимицы греческих зрителей, так мне говорили; в мгновенно завязывавшихся дружбах, в приглашениях на обед или в гости. Греция оказалась подготовкой к Египту: Александрия на закате, широкая блестящая дуга в зимнем море; за волнорезами – видение сквозь мелкие брызги от белой яхты бывшего короля; заглухший мотор корабля; а затем – внезапно, словно по сигналу, – шум с причала, крики, ругань и болтовня людей в неряшливых галабях, которые вмиг взбежали на и так уже заполненное людьми судно и принялись бегать по нему. Тогда стало ясно, что Восток начинается не в Греции, а здесь, в этом хаосе расточительных движений, в самоподдерживающемся гуле, во внезапном ощущении близкой опасности, в проснувшемся убеждении, что не все люди – братья и что багаж под угрозой.

Здесь необходимо было понять, как важно иметь проводника – человека, знакомого с местными обычаями, посредника, не видевшего никакой загадки в дурно отпечатанных безграмотных бланках. «Пишите здесь», – говорил мне проводник в здании таможни, где сновали носильщики, гиды, чиновники, бездельники, полицейские и путешественники, и где грек-беженец шептал мне на ухо: «Хочу вас предупредить: сегодня ночью здесь будут воровать». «Пишите здесь. Один “кодак”». Он, мой проводник, тыкал в пунктирную линию рядом со словом «дата». «А здесь, – он ткнул в строку рядом с «подписью», – пишите: золота, украшений, драгоценных камней не везу». Я стал возражать. Проводник ответил: «Пишите», – произнеся это слово будто какое-нибудь арабское. Это был высокий, мрачный человек со зловещим, как в голливудских фильмах, выражением лица; он носил феску и легонько постукивал себя по бедру тростью. Я написал, как он мне говорил. И это сработало. «А теперь, – сказал он, сменив феску с надписью «Агент Бюро Путешествий» на феску с надписью «Отель X», – теперь пойдемте в гостиницу».

Так постепенно, черточка за черточкой, продолжал наступать Восток, знакомый прежде лишь по книгам; и каждый миг такого узнавания становился открытием, как, например, откровением было видеть на спинах живых людей *галабеи* – одеяния, сделавшиеся для меня почти мифичес-

кими благодаря бесчисленным фотографиям и описаниям. В тусклой гостинице, казалось, полной воспоминаний эпохи Раджа, уже улавливались намеки на кастовую систему. Старый официант-француз только обслуживал за столом; при нем были посыльные – молчаливые негры с печальными глазами, облаченные в фески и широкие кушаки, приносящие блюда и уносящие посуду. В вестибюле расхаживало множество служителей-негров в живописных нарядах. А на улице царил тот самый Восток, которого и ожидал путник: дети, грязь, хвори, недоедание, возгласы «Бакшиш!», разносчики товаров, зазывалы, промельки минаретов. Витали там еще напоминания об имперском прошлом: и в темных, отгороженных витринами магазинчиках европейского типа, которые прозябали в отсутствие должной опеки; и в грустном шепоте француза парикмахера, сетовавшего, что французских духов уже не достать и приходится довольствоваться тяжелыми египетскими ароматами; и в пренебрежении, с каким ливанский делец упоминал о «туземцах», из которых он не доверял никому, кроме собственного помощника, а тот, тихонько ведя разговор со мной, говорил мне, что придет день, когда всех ливанцев и европейцев выставят вон из страны.

Черточка за черточкой – тот Восток, о котором столько читано. В поезде, на котором я ехал в Каир, мужчина, сидевший по другую сторону прохода, дважды отхаркнулся, языком ловко скатал мокроту в шарик, вытащил ее изо рта большим и указательным пальцами, осмотрел, а потом размазал между ладонями. На нем был костюм-тройка, из его транзистора доносились громкие звуки. Каир обнаруживал истинный смысл слова «базар»: узкие улочки, покрытые коркой грязи, источающие вонь даже в такой зимний день; крошечные лавочки, забытые поддельными товарами; толчея; шум, едва переносимый и усугубляемый постоянным гуденьем автомобильных рожков; средневековые здания, частично обрушившиеся, и другие, вырастающие из старых развалин, где там и сям виднеются вставки бирюзовых и ярко-синих изразцов, намекающие на былой порядок и былую красоту, на кристальные фонтаны и любовные приключения – как намекали, наверное, всегда, и в прежние

(быть может, столь же беспорядочные) времена.

И посреди этого базара – сапожник. В белой тубетейке и очках в стальной оправе, с морщинистым лицом и седой бородой, он мог бы позировать фотографу для журнала «Нэшнл джиографик»: вот искусный и терпеливый восточный ремесленник. У меня отставала подошва. Может ли он починить ботинок? Сидя почти на голой мостовой, сгорбившись за работой, он искоса оглядел мою обувь, мои брюки, мой плащ. «Пятьдесят пиастров». Я возразил: «Четыре». Он кивнул, стащил башмак с моей ноги и принялся плотницким молотком вгонять в подошву дюймовый гвоздь. Я схватился за ботинок; сапожник, ухмыляясь и держа молоток на весу, не отдавал. Я дернул сильнее – он отпустил.

Пирамиды, служащие одновременно общественными уборными (о чем умалчивают все до единого путеводители), оказались совершенно невыносимы из-за всяческих гидов, «смотрителей», погонщиков верблюдов и мальчишек, чьих ослов звали – всех без исключения – Виски-с-Содой. *Бакшиш! Бакшиш!* «Зайдите на чашечку кофе. Нет, ничего не покупайте. Я просто хочу с вами побеседовать об умных вещах. Мистер Неру – великий человек. Давайте обменяемся мнениями. Я закончил университет». Я на автобусе пересек пустыню, вернулся в Александрию и – на два дня раньше срока – сбежал на греческое грузовое судно.

Потом меня ждала скука африканских портов. Чувствовалось, что это лишь маленькие площадки на краю необъятного континента, и сразу становилось ясно, что Египет, при всех его неграх, – еще не Африка, и, при всех его минаретах и галабях, – еще не Восток, а всего лишь последний рубеж Европы. В Джидде галабей оказались чище, и разъезжало множество новых элегантных американских автомобилей. Сойти на берег нам не разрешили, так что наблюдали мы только портовую жизнь. Верблюдов и коз сгружали с грязных частных пароходов при помощи подъемных кранов и канатов и опускали на причал; их привезли, чтобы зарезать для ритуального пира, который знаменует окончание Рамадана. Взмывая ввысь, верблюды раскидывали свои внезапно сделавшиеся лишними ноги; коснувшись суши – беззвучно или с глухим стуком – они

припадали к земле, а потом бежали к своим товарищам и терлись о них боками. На катере вспыхнул пожар; на нашем судне забили тревогу, и через несколько минут появились пожарные машины. «У абсолютизма есть свои преимущества», – сказал молодой студент-пакистанец.

Мы достигли Африки, а у четверых наших пассажиров не было прививки от желтой лихорадки. В Британии как раз свирепствовала эпидемия оспы, начавшаяся в Пакистане, и мы опасались излишне строгих мер в Карачи. Пакистанские чиновники поднялись на борт, выпили как следует, и наш карантин был отменен. А вот в Бомбее индийские чиновники отвергли спиртное и даже не допили предложенную им кока-колу. Они сказали, что очень сожалеют, но те четверо пассажиров должны отправиться в больничный изолятор в Санта-Крус – иначе кораблю придется остаться на воде. Двое из пассажиров, у которых не было прививки, оказались родителями капитана. И мы остались на воде.

Это было медленное путешествие, приносившее разнообразные и поверхностные впечатления. Зато оно послужило подготовкой к Востоку. После базара в Каире базар в Карачи меня уже не поразил, а слово *бакшиши* звучало одинаково в обеих странах. Переход от средиземноморской зимы к липкому летнему зною на Красном море произошел очень быстро. Зато другие перемены происходили медленнее. На пути от Афин до Бомбея постепенно проступало иное представление о человеке, заявляло о себе новое понимание властности и раболепия. Сам физический тип, характерный для Европы, вначале растворился в типе африканском, а затем, миновав семитскую Аравию, перетек в арийскую Азию. Человек был здесь ужат и изуродован; он скулил и просил милостыню. Моей первой реакцией была истерика – и безжалостность, продиктованная новым ощущением цельности себя как человека, а также решимость, хоть и запятнанная страхом, упорно оставаться таким, какой я есть. Было не важно, чьими глазами я глядел на Восток; прошло слишком мало времени для этой новой самооценки.

Поверхностные впечатления, несдержанные реакции. Но одно воспоминание осталось со мной навсегда – и я

крепко цеплялся за него в тот день, когда мы стояли на воде вблизи Бомбея, когда я видел, как солнце закатывается за отель «Гадж-Махал»², и желал в душе, чтобы Бомбей оказался всего лишь очередным портом из тех, куда мы заходили по пути, – таким портом, который пассажир грузового судна может, по своему усмотрению, или посетить, или вообще не заметить.